

Прошлое и настоящее азербайджанского театра

Тяжело приходилось работникам национального азербайджанского искусства в парское время. Артисты носили позорную кличку «арсыз» (бесстыжий) и «буксыз» (без усов). Мусульманские законы запрещали выступления на сцене.

— Театр — это грех, — так говорили мullahы.

Духовенство, заинтересованное в том, чтобы народ оставался в темноте и невежестве, не могло, конечно, не понимать просветительной роли театра. Достаточно сказать, что женщинам, например, запрещалось даже присутствовать в театре. Вспоминается такой случай. В 1907 году труппа любителей завала спектакль в Бакинском драматическом театре Тагиева. В афишах было объявлено, что для женщин азербайджанов оборудованы закрытые ложы, из которых можно смотреть спектакль через тюлене занавески. Но лишь две или три женщины отважились прийти в театр.

Я был одним из зрителей этого спектакля. На следующий день на улице меня встретил один кочи (головорез, хулиган, которых тогда немало было в Баку) и привел меня к тому, что мы решили пригласить на свой спектакль женщины.

В то время в Баку были только русские театры, азербайджанского театра не существовало. Народка завала спектакли любители. В городе было всего три профессиональных артиста-азербайджанца: Арабийский, Велиев и я. Выступать приходилось только несколько раз в году в любительских спектаклях, которые шли в случайных декорациях и в самом примитивном оформлении. Женские роли исполняли мужчины.

В том же 1907 году наш кружок поставил спектакль «Альманзор» из арабской жизни. Участвуя в этом спектакле, я по ходу пьесы исполнял арию Гиджас. На этом спектакле присутствовал композитор Узеир Гаджибеков (теперь — народный артист Азербайджанской ССР, депутат Верховного Совета СССР). Гаджибекову понравилось мое пение. После спектакля он сообщил мне, что пишет оперу «Лейли и Меджнун» по поэме Физули и пригласил меня для исполнения роли Меджнуна. Я, конечно, согласился и вскоре начал заниматься под руководством Гаджибекова.

Совместно с Гаджибековым мы позвали небольшую труппу любителей, главным образом из числа учащихся, и организовали хор, балет и оркестр. Долго думали, как быть с исполнением женских ролей, в особенности партии Лейли. Однажды, проходя по улице, я услышал, что в чайхаве кто-то поет. Голос певца был удивительно звучный и нежный. Я зашел в чайхану, оказалось, что пел Фараджев, один из служивших чайханы. Мы пригласили его исполнителем партии Лейли. Фараджев долго не соглашался. Его смущало, что ему придется выступить в женской роли. Все же мы его уговорили. Оперу мы готовили в течение двух месяцев у себя на квартире. Однако, когда подошел день спектакля, Фараджев опять начал отказываться от роли и ни за что не хотел одеть женского платья.

— Я забыл все, что вы мне показали, — заявил он.

— Не бойся, из-за кулис я буду показывать тебе, — сказал Арабийский. — Что сделаю я, то исполняй и ты.

25 января 1908 года в маленьком, старом помещении театра Тагиева состоялся первый спектакль первой азербайджанской оперы «Лейли и Меджнун». Опера шла в убогих декорациях, исполнители не имели нужных костюмов.

В таких же трудных условиях мы ставили затем оперы У. Гаджибекова «Асли и Кярем», «Рустам и Зохраб» и музыкальные комедии «О олмасун, бу олмасун», «Аршин мал алан» и другие.

Своем сейчас кажется все, что нам тогда приходилось переживать. Политическое начальство, видевшее во всем вольнодумство и крамолу, непременно требовало преобразования полного перевода на русский язык каждой пьесы, без чего постановка не разрешалась. На всех спектаклях обязательно присутствовали полицейские и шпионы. Само собой разумеется, что тогда мы не могли и мечтать о своей постоянной операционной площадке. Никто нам, конечно, не помогал. Когда Узеир Гаджибеков, работавший в то время учителем, решил поехать в Петербург, чтобы поступить там в Консерваторию, он ни у кого не смог найти материальной поддержки. Мы решили проложить свои спектакли в Баку и высылать ему деньги для того, чтобы он мог учиться.

Профессиональный азербайджанский театр получил свое развитие только после Великой Октябрьской социалистической революции. Для нас, артистов, открылись огромные возможности, о которых прежде мы не могли и мечтать. Уже вскоре после того, как в Азербайджане утвердилось советская власть, были организованы первые профессиональные азербайджанские театры.

Наиболее талантливая молодежь была отправлена в Москву, Ленинград и другие города для учебы в различных художественных учебных заведениях.

Сейчас Азербайджан имеет десятки театров. В одном только Баку работают: Азербайджанский государственный театр оперы и балета им. М. Ф. Ахундова, Государственный драматический театр им. Азизбекова, армянский, еврейский, русский и другие театры. Я уже не говорю о консерватории и филармонии и многочисленных учебных заведениях, подготовляющих кадры работников искусства.

Почетное место заняла на сцене азербайджанского театра женщина. Имела таких артисток как Шевкет-ханум Мамедова, Сона-ханум Гаджиева, Азиза-ханум Мамедова, Гюльшара Искендерова и др. хорошо известны в советском Азербайджане. Лучшими артистами и артистками азербайджанских театров правительством присвоены звания народных и заслуженных артистов, заслуженных деятелей искусства. Среди работников искусств Азербайджана есть депутаты Верховного Совета СССР, члены ЦИК Азербайджанской ССР, законодосцы.

Мы приехали в Москву для того, чтобы показать трудившимся столпы и нашему хорошему другу и учителю товарищу Сталину, чего достигло азербайджанское искусство под солнцем Сталинской Конституции.

Наш горячий, дружеский привет трудившимся красной столпы!

ГУСЕИН-КУЛИ САРАБСКИЙ.

Народный артист Азербайджанской ССР.